

Музы Пушкина

И.М. Ободовская
М.А. Дементьев

Сестры Гончаровы

КОТОРАЯ ИЗ ТРЕХ?

**Ирина Михайловна Ободовская
Михаил Алексеевич Дементьев
Сестры Гончаровы.
Которая из трех
Серия «Музы Пушкина»**

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27105981

*Сестры Гончаровы. Которая из трех. / Ободовская И. М., Дементьев
М. А.: Алгоритм-Книга; Москва; 2009
ISBN 978-5-9265-0689-8*

Аннотация

Жизнь Пушкина, подробности его биографии запечатлены во множестве воспоминаний и писем его современников. Особый интерес представляют письма жены поэта, а также ее сестер Александры и Екатерины, в замужестве Дантес, составляющие основу этой книги. Написанные до гибели Пушкина, они являются бесценными свидетельствами его взаимоотношений с Гончаровыми, проливая свет на многие обстоятельства личной жизни поэта.

Содержание

От авторов	4
Семья Гончаровых	13
Н. Н. Пушкина и ее письма	24
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Ирина Ободовская, Михаил Дементьев Сестры Гончаровы. Которая из трех

От авторов

Все, что связано с именем Пушкина, с его жизнью и творчеством, всегда вызывает большой интерес не только у пушкинистов, но и у широкого круга почитателей Пушкина. По крупицам в течение многих десятилетий накапливаются новые данные к биографии поэта.

В работе над творческим наследием великого поэта ученые внимательно изучают каждую строчку, каждый черновой набросок в обширных рукописях поэта. Не меньший интерес представляет и все относящееся к его биографии.

Пушкин в своей статье о Вольтере писал:

«Мы с любопытством рассматриваем автографы, хотя бы они были не что иное, как отрывок из расходной тетради или записка к портному об отсрочке платежа».

Тем большее значение имеют письма, вечно живые свидетели жизни ушедших людей, ярко рисующие их мысли, чув-

ства, чаяния и надежды.

В 1963 году по предложению Московского государственного музея А. С. Пушкина мы начали работать в Центральном государственном архиве древних актов над архивом семьи Гончаровых, родственников Н. Н. Пушкиной. Архив этот огромен – в нем насчитывается свыше 10 тысяч единиц хранения, т. е. отдельных папок и пакетов с письмами, различных документов, бухгалтерских книг, тетрадей, записных книжек и т. п., за период с конца XVII века и до начала XX века.

Целью нашей работы были поиски новых данных о Пушкине и его окружении. Мы полагали, что после женитьбы поэта общение семей Пушкиных – Гончаровых было довольно тесным и в письмах можно найти что-то новое, дополняющее уже известное.

Но многие исследователи обращались уже к этому архиву, и можно было думать, что в основном все эпистолярные материалы просмотрены. Однако это оказалось не так, и наши настойчивые длительные поиски превзошли все ожидания.

Среди фамильной переписки Гончаровых мы обнаружили неизвестное большое письмо Пушкина, письма его жены Натальи Николаевны и ее сестер Екатерины и Александры Гончаровых. Все письма адресованы Д. Н. Гончарову, старшему брату Н. Н. Пушкиной.

Новое письмо Пушкина – это редчайшая находка!¹ За по-

---

¹ «Литературная газета» № 50, от 9 декабря 1970 г. (частично); «Временник

следние десятилетия было найдено несколько автографов Пушкина: на книге В. Скотта, пометки на рукописи Вяземского, автограф «Записок о народном воспитании», «Замечания о бунте» и другие рукописи из архива Миллера. Но почти все они при большой их ценности не являлись новыми текстами, так как были известны по спискам или публикациям. Вот почему исключительное значение обнаруженного письма не только в том, что это новый автограф, но и в том, что это совершенно неизвестный текст. Найденное нами письмо свидетельствует о тяжелом материальном положении Пушкиных в 1833 году. Написано оно к шурину Д. Н. Гончарову – это также совершенно новый адресат в эпистолярном наследии Пушкина.

Среди писем пушкинского окружения особый интерес представляют письма Натальи Николаевны, о которой до сих пор мы мало знали достоверного. Это чрезвычайно ценный материал, по-новому освещающий образ жены поэта. Но он представляет большую ценность вот еще почему. Известно, что существовали письма Натальи Николаевны к мужу и что их насчитывалось около 40. Потомки Пушкина бережно хранили их и, в конце концов, передали в рукописный отдел бывшего Румянцевского музея (ныне Российская государственная библиотека. – *Ред.*). В 20-х годах эти письма исчезли. Появились даже статьи и заметки, пытавшиеся доказать,

что письма жены Пушкина якобы и не поступали в музей². Наряду с другими исследователями³ мы тоже занимались поисками этих писем, но обнаружить их не удалось. Однако мы нашли интересный документ, доказывающий, что письма Н. Н. Пушкиной не только хранились в бывшем Румянцевском музее, но более того, в 1920 году были подготовлены к печати в количестве трех печатных листов⁴.

Таким образом, публикуемые здесь письма Пушкиной, написанные ею при жизни поэта и о нем, являются уникальными подлинниками для ее биографии. Но ценность их не только в этом. Жизнь Пушкина, подробности его биографии запечатлены во множестве воспоминаний и писем его современников, однако среди них до сих пор отсутствовали свидетельства самого близкого ему человека – жены. Пушкиноведение не располагало также подлинными документами, которые говорили бы об отношении Натальи Николаевны к мужу. Теперь такие документы есть. Письмо от июля 1836 года, в котором она так тепло и сердечно говорит о Пушкине, вряд ли можно переоценить.

Письма Екатерины Николаевны и Александры Николаевны Гончаровых также очень важны и интересны. Они охва-

---

² См. статью С. В. Житомирской в сб. «Прометей», 1972.

³ См. статьи Н. О. Лернера в журн. «Стройка», 1930 г., № 7 и С. Энгель в журн. «Новый мир», 1966, № 11, и др.

⁴ См.: М. А. Дементьев. Еще о письмах к Пушкину его жены. – «Известия Академии наук». Серия «Литература и язык». Т. 29, вып. 5. М., 1970. С. 447.

тывают период с 1832 по 1837 год, т. е. тоже написаны при жизни поэта, и более того – почти все они относятся к тому времени, когда сестры жили в Петербурге в квартире Пушкиных. Среди этих писем впервые публикуется большое число писем Екатерины Гончаровой, впоследствии ставшей женой Ж. Дантеса. О ней было известно немногое.

Написанные живо и непринужденно, письма не только рисуют жизнь самих сестер, но в них мы находим упоминания о Пушкине, в том числе характеризующие отношение сестер Гончаровых к Пушкину и Пушкина к ним. Многие из этих писем уточняют и дополняют данные к биографии поэта. Так, например, совершенно новыми для нас являются сведения о посещении Пушкиным Яропольца в 1834 году. Последние письма (конец 1836 и начало 1837 г.) делают нас участниками трагических событий преддуэльных дней.

Мы обнаружили также большое число писем членов семьи Гончаровых: родителей – Натальи Ивановны и Николая Афанасьевича, братьев Ивана и Сергея. Многие выдержки из этих писем, представляющие интерес для данной работы, публикуются здесь впервые.

Все публикуемые письма – чисто семейные, они очень живы и непосредственны, и в этом одно из их достоинств.

Судя по этим письмам, родственные связи Пушкиных и Гончаровых были, очевидно, более тесными, чем можно было предполагать. Об этом свидетельствует, например, участие Пушкина в делах по процессу, который вел Д. Н. Гон-

чаров с купцом Усачевым и в котором была заинтересована вся семья Гончаровых.

Как же выглядят все эти письма? Большинство из них хорошо сохранились. Однако некоторые с трудом поддаются прочтению, так как чернила расплылись. Почти все письма написаны на почтовой бумаге гончаровских фабрик голубого, зеленоватого, кремового и белого цветов. Обычный формат их – 13×20 см, но встречаются листы и большего и меньшего размеров.

Все письма, за небольшим исключением (главным образом это относится к письмам Николая Афанасьевича Гончарова), написаны на французском языке, однако в них довольно часто встречаются русские фразы и слова. Французский язык писем вполне литературен и богат – все Гончаровы владели им в совершенстве.

Большинство писем не имеет подписи: в те времена не было принято подписывать семейные письма. Так, никогда не подписывала своих писем Наталья Николаевна, редко – сестры Гончаровы; обычно ставят свои инициалы в конце письма родители, и всегда подписывается полностью только младший из братьев, Сергей Гончаров.

Работа над письмами заняла очень много времени. Неразборчивые, мелкие почерки требовали тщательной расшифровки – именно расшифровки, так как просто читать эти письма нельзя. Особенно трудным оказался почерк Екатерины Гончаровой. Она и сама неоднократно спрашивает: мож-

но ли разобрать, что она написала. Очень неразборчивым мелким бисером написаны и письма Натальи Ивановны. Однако непрочитанных строк и слов, в конце концов, оказалось немного. Эти пропуски, а также другие замечания авторов оговариваются в сносках. Приписки, сделанные другими корреспондентами, включаются в текст писем с соответствующим подзаголовком.

Во многих письмах отсутствуют указания на дату и место отправления. Мы их определили как по содержанию самого письма, так и путем сопоставления с другими письмами. Они заключены в скобки, а в комментариях даны обоснования датировок.

Русские фразы писем, написанные языком того времени и иногда хромающие по части грамматики, орфографии и пунктуации, оставлены без изменения. Нам кажется, что, если бы мы откорректировали их, они потеряли бы свою колоритность и подлинность.

В русских текстах подлинников преобладает обращение на «ты»; такое обращение принято нами за основу и при переводе писем на русский язык.

Не все письма равноценны по значению, но мы сочли необходимым опубликовать и те, которые на первый взгляд мало дают нового, однако в общей цепи хронологического изложения занимают свое место, дополняют предыдущие и последующие и в совокупности рисуют более полную картину событий, а также быта и эпохи.

Из числа обнаруженных авторами писем, написанных при жизни Пушкина, в книгу не вошли те, которые касаются главным образом денежных вопросов.

В книгу включены некоторые письма из архива Гончаровых, опубликованные другими исследователями, – это необходимо для более полного воссоздания событий. Так, нами приводятся публикации Д. Благого и Т. Волковой, и М. Яшина (см. комментарии и перечень литературы).

В поисках необходимых данных для работы над письмами нами просмотрено в архиве значительное количество хозяйственных документов: бухгалтерских книг, входящих и исходящих журналов, описей, актов и т. п., а также семейных документов – ученических тетрадей детей Гончаровых, записных книжек, формулярных списков, метрических выписок и т. д. Мы познакомились также в ЦГАЛИ с архивом Вяземских и в ИРЛИ – с архивом А. П. Араповой.

Поскольку настоящая книга рассчитана на широкий круг читателей, мы сочли необходимым предпослать письмам предисловия, комментирующие их, а также характеризующие действующих лиц и обстановку, в которой они были написаны.

Эти предисловия не исчерпывают всего того, что можно было бы сказать о письмах и их авторах, однако, мы полагаем, они освещают то новое, что, несомненно, является очень ценным материалом для пушкиноведения.

В книге публикуются и комментируются письма, написан-

ные при жизни Пушкина. Продолжая исследование архивных материалов, авторы обнаружили интересные письма, относящиеся к периоду после смерти поэта. Новые находки подтверждают и дополняют характеристики образов Н. Н. Пушкиной и ее сестер.

Семья Гончаровых

История семьи Гончаровых тесно связана со старинным русским городом Калугой. Еще в конце XVII века в числе калужских посадских людей значились «горшешники» – Иван Дементьевич Гончаров и его сын Абрам Иванович, имевшие небольшую гончарную лавку; отсюда, по-видимому, происходит и их фамилия.

Потомок этих горшечников Афанасий Абрамович Гончаров нажил огромное состояние. Недалеко от Калуги, на реке Суходрев, он имел полотняный завод и бумажную фабрику. Петр I, создававший в те времена русский флот, широко покровительствовал Гончарову, вел с ним переписку, присылал ему мастеров из-за границы. Учитывая конъюнктуру, Гончаров расширял свои предприятия. Парусные полотна его фабрик имели большой спрос не только в России, но и за рубежом. По преданию, весь английский флот того времени ходил на «гончаровских» парусах. Особенно наживался Гончаров на войнах. По свидетельству самого Афанасия Абрамовича, на него три раза «шел золотой дождь»; так, он очень разбогател во время войны Франции и Англии за Канаду в 1756–1763 годах, и позднее – во время отложения Америки от Англии. Воспользовался Гончаров и возросшим спросом на бумагу – бумага его фабрики считалась лучшей в России.

В Калужском краеведческом музее сохранился до наших дней портрет Афанасия Абрамовича. Неизвестный художник изобразил его уже в пожилых годах. На нем бархатный кафтан. В руке Афанасий Абрамович держит письмо Петра I – его письмами он очень гордился.

После смерти Петра I Елизавета продолжала покровительствовать Гончарову. Она пожаловала ему чин коллежского асессора, дававший право на потомственное дворянство. Впоследствии, в 1789 году, Екатерина II подтвердила это право специальным указом, выданным уже внуку Афанасия Абрамовича, Афанасию Николаевичу, деду Н. Н. Пушкиной.

В конце жизни, не надеясь на то, что его потомки сохранят нажитое богатство, предусмотрительный Афанасий Абрамович решил полотняный завод и бумажную фабрику с прилегающими поместьями превратить в майорат, т. е. неделимое имение, которое должно было передаваться старшему в роде и не могло быть ни заложено, ни продано⁵. В 1778 году такое разрешение было дано, и Афанасий Абрамович сделал соответствующее завещание. Таким образом, Полотняный Завод достался его старшему сыну, Николаю Афанасьевичу, а затем – внуку, Афанасию Николаевичу Гончарову (1760–1832).

Но если «талантливый» Афанасий Абрамович целью своей жизни ставил нажить миллионное состояние, то внук его,

---

⁵ Все это имение называлось Полотняный Завод.

Афанасий Николаевич (несомненно, названный в честь деда, но никак на него не походивший), сумел не менее «талантливо» его прожить и после смерти оставил полтора миллиона долгу...

Дом, построенный дедом на Полотняном Заводе и не отличавшийся изяществом архитектуры, надстраивается, богато отделывается внутри. В архиве Гончаровых сохранилась опись обстановки, посуды и других вещей, в том числе мебель, отделанная бронзой и инкрустациями, люстры фарфоровые и венецианского стекла, дорогие сервизы, фамильное серебро с инициалами Афанасия Николаевича и т. д. Небольшой гостиный гарнитур с Полотняного Завода можно видеть и сегодня в Калужском краеведческом музее.

Парк расширяется, гроты, беседки и статуи украшают его тенистые аллеи. Оранжереи, где выращивались даже ананасы. Конный завод, огромный манеж. Бесконечные пиры и празднества, иногда продолжавшиеся по месяцу и более, следуют один за другим. По зимам Гончаровы жили в Москве в собственном доме и вели такой же расточительный образ жизни.

Афанасий Николаевич был женат на Надежде Платоновне Мусиной-Пушкиной (1765–1835). У них был только один сын Николай, в котором они души не чаяли. Николай Афанасьевич (1788–1861) обладал незаурядными способностями: писал стихи, играл на скрипке и виолончели. Унаследовал он от прадеда и его энергию и деловитость. Образование

по тем временам он получил блестящее. Николай Афанасьевич в совершенстве знал немецкий, английский и французский языки. Небезынтересно отметить, что среди французов-гувернеров был и Будри, родной брат Марата, впоследствии учитель французского языка в Царскосельском лицее во времена Пушкина. Надо сказать, что Николай Афанасьевич, не в пример прочим Гончаровым, хорошо знал русский язык. Обычно он писал старшему сыну по-русски, изредка переходя на французский или английский языки.

В 1804 году Николай Гончаров был зачислен в Коллегию иностранных дел и переехал в Петербург.

Прекрасно образованному и одаренному умом и талантами молодому Гончарову были открыты двери всех великосветских гостиных. Там он встретился с красавицей-фрейлиной Натальей Ивановной Загряжской, без памяти влюбился и 27 января 1807 года обвенчался с ней в Петербурге в придворной церкви.

Наталья Ивановна Гончарова (1785–1848) происходила из старинного дворянского рода Загряжских. Отец ее, Иван Александрович Загряжский (ум. в 1807 г.), богатый помещик, служил в Петербурге в гвардии; он был женат на А. С. Алексеевой, от которой имел троих детей. По семейным преданиям, когда однажды полк его стоял в Дерпте, он там влюбился в дочь барона Липгардта, при живой жене обвенчался с ней и привез уже с ребенком к первой жене в свое поместье! Вряд ли это достоверно, но, так или иначе, от этого

брака или связи родилась Наталья Ивановна, будущая мать Н. Н. Пушкиной¹². Молодая баронесса вскоре умерла, а жена Загряжского приняла девочку в свою семью, ничем не отличала от своих детей и впоследствии наравне с остальными оставила ей наследство.

Вскоре после женитьбы Н. А. Гончаров оставляет Петербург и переводится на службу в Москву. Вероятно, это было вызвано необходимостью быть поближе к Полотняному Заводу.

К тому времени давно начавшийся разлад между родителями Николая Афанасьевича достиг решающей фазы: они разъехались. Хотя дела Афанасия Николаевича уже сильно пришли в упадок, однако он не оставлял своих привычек и продолжал вести расточительную жизнь. Надежда Платоновна долго сдерживала сумасбродства своего супруга, но, в конце концов, не выдержала и в 1808 году уехала с Полотняного Завода и поселилась в собственном доме в Москве. Впоследствии Афанасий Николаевич выделил ей отдельный капитал в 200 тысяч рублей и таким образом навсегда отделился от мешавшей ему жены.

Расставшись с женой, Афанасий Николаевич уехал надолго за границу, и молодой Николай Афанасьевич за несколько лет сумел значительно поправить расстроенные отцом дела. В 1812 году, когда началась Отечественная война, Николай Афанасьевич отвез свою семью к родственникам жены в Тамбовскую губернию, подальше от Калуги, к которой при-

ближался неприятель.

Афанасий Николаевич поспешил вернуться на родину.

Война почти вплотную подошла к гончаровским владениям. На Полотняном Заводе некоторое время стоял сам фельдмаршал Кутузов с войском. Комнаты, в которых он жил, потом получили название «кутузовских». Неприятель до Полотняного Завода не дошел: под Малоярославцем французы были разбиты наголову, и началось паническое бегство наполеоновских войск из России.

По-видимому, летом 1813 года семья Николая Афанасьевича возвратилась на Полотняный Завод. Вскоре Афанасий Николаевич отстранил сына от управления предприятиями. Старик привез из-за границы любовницу-француженку, и ему нужно было бесконтрольно распоряжаться деньгами. Он требовал от семьи всяческих знаков внимания к своей любовнице. Атмосфера в доме сложилась нетерпимая, и Николай Афанасьевич уехал в Москву, оставив временно семью на Полотняном Заводе. Как долго оставались они там – точно неизвестно. Во всяком случае, в начале 1814 года они были еще на Заводе – об этом свидетельствует письмо Николая Афанасьевича к отцу и жене от 20 февраля 1814 года³. Интересно отметить, что в этом письме он передает приветы различным гувернерам и гувернанткам – англичанкам, французам и немцам, которых, очевидно, Афанасий Николаевич нанял для воспитания и обучения своих внуков.

С 1814 года начали проявляться у Николая Афанасьевича

ча первые признаки душевной болезни. Трудно сказать, чем была вызвана эта болезнь; семья приписывала это его падению с лошади. Возможно, какая-то предрасположенность к ней была им унаследована от матери, и толчком к ее проявлению послужило отстранение от управления предприятия. Ряд писем Николая Афанасьевича к отцу свидетельствуют о том, как тяжело переживал он свой уход от дел. Так, письмо от 5 мая 1817 года он заканчивает следующими словами: «Покорный ваш сын, уничтоженная тварь Николай Гров». Иногда он подписывается «nihil» – «уничтоженный».

Николаю Афанасьевичу было тогда всего 26 лет. Сведения об его болезни противоречивы. Видимо, вначале она проявлялась в сильной депрессии, но не систематически – бывали длительные периоды, когда он был вполне здоров.

В архиве хранится большое количество писем Николая Афанасьевича. Письма эти, написанные в последние десятилетия его жизни к сыну Дмитрию Николаевичу, вполне разумны. Николай Афанасьевич прекрасно сознает свое положение в семье, тяготится им. Наталья Ивановна фактически бросила его, в начале 30-х годов совсем переселившись в Ярополец⁴, Николай Афанасьевич жил в Москве сначала один, а потом с сыном Сергеем. Единственным человеком, заботившимся о нем, была жена сына Дмитрия Елизавета Егоровна. Николай Афанасьевич платил ей глубокой, искренней привязанностью.

Письма его свидетельствуют о его большой доброте и от-

зывчивости. Не имея возможности никому помочь материально, он старается хотя бы морально поддержать и утешить своих близких в трудные минуты жизни. Несомненно, от него унаследовала Наталья Николаевна свою доброту и душевную щедрость.

В Москве Гончаровы жили в собственном доме на Б. Никитской улице (теперь ул. Герцена, 50; дом не сохранился). Большая усадьба с многочисленными флигелями и хозяйственными постройками занимала целый квартал между Большой и Малой Никитскими и Скарятинским переулком. Вероятно, как тогда было принято, при доме был и сад. В старом флигеле, с провалившимися полами и дымящими печами, со своим слугою жил больной Николай Афанасьевич. Тень этого несчастья лежала на всем никитском доме...

Наталье Ивановне в 1814 году было всего 29 лет. На плечи молодой женщины легла вся тяжесть забот о больном муже, о доме и воспитании детей. Нет сомнения, что горе наложило отпечаток на ее характер – она ожесточилась, а с годами опустилась, стала пить... Суровая и властная, неуравновешенная и несдержанная – такой рисуется она по письмам и свидетельствам современников. Впоследствии, ища утешения в религии, Наталья Ивановна превратилась в настоящую ханжу, окружила себя монахинями и странницами, целые дни проводила в домашней молельне. Под старость, живя почти постоянно у себя в Яропольце, она часто ездила на богомолье в местный Волоколамский монастырь, делала туда бога-

тые вклады «на спасение души». В этом монастыре она и похоронена.

Наталья Ивановна получала достаточные средства на содержание семьи от свекра Афанасия Николаевича: 40 тысяч в год. Таким образом, казалось бы, семья была обеспечена. Но Наталья Ивановна бережливостью не отличалась и безрассудно тратила все, что получала. У Гончаровых было семеро детей: три сына – Дмитрий⁵, Иван⁶ и Сергей⁷ и четыре дочери – Екатерина⁸, Александра⁹, Наталья¹⁰, будущая жена поэта, и Софья, родившаяся в 1818 году и вскоре умершая.

Детей Наталья Ивановна воспитывала строго. Говорят, она иногда била их по щекам. Если какую-нибудь из дочерей требовали к матери, девочка долго стояла у дверей, не решаясь войти... До сих пор принято было считать, что Наталья Николаевна и ее сестры получили очень скромное домашнее образование. Знание французского языка, танцы, музыка и регулярное посещение церковных служб – этим обычно тогда ограничивалось воспитание девушек в дворянских семьях. Однако в свете новых материалов теперь можно сказать, что образование детям Гончаровых было дано значительно выше среднего.

В ЦГАДА (ныне РГАДА – Российский государственный архив древних актов. – *Ред.*) хранится много ученических тетрадей детей Гончаровых. Просмотрев эти толстые подшивки в картонных переплетах, можно сделать вывод, что дети подробно изучали историю (русскую и всеобщую), гео-

графию, русский язык, литературу, мифологию и т. д. Нечего и говорить об иностранных языках – немецкий, английский и особенно французский они знали очень хорошо.

* * *

Те краткие сведения о Гончаровых, которые мы сочли необходимым предпослать последующим главам, являются фоном; на нем как бы рисуется картина семейных отношений всех действующих лиц. Нам становятся ясны условия, в которых росли и воспитывались дети Гончаровы. Дед, приведший к разорению семью и жестоко отнесшийся к сыну; душевнобольной отец, суровая, деспотичная мать – вот люди, окружавшие сестер и братьев Гончаровых. Несомненно, тяжелое детство и юность на Никитской не могли пройти бесследно для формирования их характеров.

Время шло, и дети выросли. К началу того периода, который охватывают публикуемые письма (1832–1837 гг.), семья Гончаровых разъехалась в разные стороны. Поселилась в своем любимом поместье Ярополец Наталья Ивановна; уехала в Петербург младшая, Наталья, вышедшая замуж за Пушкина; поступили в столице на военную службу братья Иван и Сергей; окончивший Московский университет, старший сын, Дмитрий, служил в Министерстве иностранных дел. Сестры Екатерина и Александра были отправлены на Завод к деду. В доме на Никитской остался один Николай Афона-

сьевич.

Н. Н. Пушкина и ее письма

*Любовь его, как солнечный восход,
Воображенье согревает наше.
И тот, кто сомневается в Наташе, —
Не сторону ль Дантеса он берет?
Ведь Пушкин верил ей, идя к барьеру...
Кто смеет посягнуть на эту веру?*

Д. Кугультинов

В 30 верстах от Тамбова, при впадении реки Кариан в Цну, в начале XIX века находилось богатое родовое поместье Загряжских Кариан, принадлежавшее близким родственникам Натальи Ивановны Гончаровой. Война, как мы уже говорили, заставила семейство Гончаровых покинуть родные места. В ту пору семья была довольно многочисленна: два сына – Дмитрий и Иван, две дочери – Екатерина и Александра. Наталья Ивановна была на сносях. 19 августа прибыли они в Кариан, а 27 августа 1812 года родилась и была крещена в местной церкви та, которой было суждено впоследствии стать женой великого русского поэта.

Как долго пробыла семья Гончаровых в Кариане – неизвестно, но, вероятно, Наталья Ивановна с детьми оставалась там до лета 1813 года, а затем они направились в Калужскую губернию, на Полотняный Завод. Здесь семья Гонча-

ровых прожила не менее года, а может быть, и больше. Маленькая Таша полюбилась деду, и, когда Наталья Ивановна уехала с детьми к мужу, Афанасий Николаевич оставил ее у себя. Сохранилась небольшая миниатюра, изображающая Наталью Николаевну в детстве. Вероятно, она была заказана дедом, когда ему пришлось расстаться с любимой внучкой. Девочке на вид лет 5–6. Тонкие, правильные черты, выражение лица не по-детски серьезно. Те несколько лет, что Наташа Гончарова провела на Полотняном Заводе, окруженная всяческими заботами, были, вероятно, самыми счастливыми годами ее детства. Но девочка подросла, и Наталья Ивановна, не ладившая со свекром, взяла ее обратно. В ту пору Николай Афанасьевич с семьей жил уже в Москве.

Впоследствии Наталья Николаевна не любила говорить о своем детстве. Тяжелая обстановка, царившая в доме, заставила ее замкнуться, и эта сдержанность в выражении чувств, по-видимому, осталась в ней на всю жизнь. От той поры сохранились воспоминания некой Надежды Михайловны Еропкиной¹. Гончаровы были знакомы домами с Еропкиными. Надежда Михайловна была умная, образованная девушка; в годы юности Натальи Николаевны ей было двадцать лет, поэтому она могла хорошо помнить Наташу Гончарову, и ее записки представляют значительный интерес для характеристики будущей жены поэта. Приведем некоторые выдержки из воспоминаний.

«Наталья Николаевна сыграла слишком видную роль в

жизни Пушкина, чтобы можно было обойти ее молчанием. Многие считают ее даже виновницей преждевременной его кончины, что, впрочем, совершенно несправедливо... Я хорошо знала Наташу Гончарову, но более дружна была она с сестрой моей Дарьей Михайловной. Натали еще девочкой-подростком отличалась редкой красотой. Вывозить ее стали очень рано, и она всегда окружена была роем поклонников и воздыхателей. Участвовала она и в прелестных живых картинах, поставленных у генерал-губернатора кн. Голицына, и вызывала всеобщее восхищение. Место первой красавицы Москвы осталось за нею.

Наташа была действительно прекрасна, и я всегда восхищалась ею. Воспитание в деревне на чистом воздухе оставило ей в наследство цветущее здоровье. Сильная, ловкая, она была необыкновенно пропорционально сложена, отчего и каждое движение ее было преисполнено грации. Глаза добрые, веселые, с подзадоривающим огоньком из-под длинных бархатных ресниц. Но покров стыдливой скромности всегда вовремя останавливал слишком резкие порывы. Но главную прелесть Натали составляли отсутствие всякого жеманства и естественность. Большинство считало ее кокеткой, но обвинение это несправедливо.

Необыкновенно выразительные глаза, очаровательная улыбка и притягивающая простота в обращении, помимо ее воли, покоряли ей всех. Не ее вина, что все в ней было так удивительно хорошо. Но для меня так и осталось загадкой,

откуда обрела Наталья Николаевна такт и умение держать себя? Все в ней самой и манера держать себя было проникнуто глубокой порядочностью. Все было «comme il faut»⁶ – без всякой фальши. И это тем более удивительно, что того же нельзя было сказать о ее родственниках. Сестры были красивы, но изысканного изящества Наташи напрасно было бы искать в них. Отец слабохарактерный, а под конец и не в своем уме никакого значения в семье не имел. Мать далеко не отличалась хорошим тоном и была частенько пренеприятна... Поэтому Наталья Николаевна явилась в этой семье удивительным самородком. Пушкина пленила ее необычайная красота и не менее, вероятно, и прелестная манера держать себя, которую он так ценил».

Наташа Гончарова была прекрасна, это бесспорно, но только красивая внешность не привлекла бы поэта. Было в ней, вероятно, и какое-то необыкновенное обаяние, и не случайно тонкий знаток человеческой души Пушкин в посвященном ей стихотворении «Мадонна» называет ее: «чистейшей прелести чистейший образец».

Впервые Пушкин встретил Наталью Николаевну зимой 1828 года на балу у танцмейстера Иогеля. По шутливому признанию самого поэта, Гончарова была его сто тринадцатая любовь. Но те увлечения, те порывы страстей, которые волновали его в молодости, не были еще той любовью, которой на склоне короткой его жизни одарила судьба. Все-

---

⁶ Безупречно (*фр.*).

объемлющее чувство Пушкина к Наталье Николаевне пришло к нему на рубеже нового периода его жизни. Отошла в прошлое бурно прожитая молодость, настала пора зрелости. Жажда личного семейного счастья, стремление любить и быть любимым – вот какие чувства владели им в эти годы. Пушкин не знал до тех пор настоящей семейной жизни. Нерадостное детство, юность, проведенная в казенных стенах лица, годы ссылки, потом кочевая жизнь то в Москве, то в Петербурге, номера гостиниц – и никогда своего дома...

«Все что бы ты мог сказать мне в пользу холостой жизни и противу женитьбы, все уже мною передумано, – писал Пушкин незадолго до женитьбы своему приятелю Н. И. Кривцову²³. – Я хладнокровно взвесил выгоды и невыгоды состояния, мною избираемого. Молодость моя прошла шумно и бесплодно. До сих пор я жил иначе как обыкновенно живут. Счастья мне не было. Счастье можно найти лишь на проторенных дорогах. Мне за 30 лет. В тридцать лет люди обыкновенно женятся – я поступаю как люди, и вероятно не буду в том раскаиваться» (10 февраля 1831 г.)⁴.

Однако письма Пушкина в период его сватовства полны сомнений: будет ли с ним счастлива юная красавица, не пожалеет ли она когда-нибудь, что вышла за него замуж, не сделала ли бы она лучшей, более блестящей партии. Ему казалось, что в нем нет ничего, что могло бы нравиться Наталье Николаевне. Но длинный список женщин, любивших Пушкина, говорит нам об обаянии личности поэта. Не могла, на-

до полагать, не ответить на его безграничную любовь и Наталья Николаевна.

Наталья Ивановна долго не соглашалась на этот брак, напуганная ходившими толками и сплетнями о политической неблагонадежности поэта, о его образе жизни. Дошли эти слухи и до главы семьи Афанасия Николаевича. Наталья Николаевна писала деду:

«Сего 5 мая 1830 года
Любезный дедушка!

Узнав чрез Золотарева⁵ сомнения ваши, спешу опровергнуть оныя и уверить вас, что все то что сделала Маминька, было согласно с моими чувствами и желаниями. Я с прискорбием узнала те худые мнения, которые вам о нем внушают, и умоляю вас по любви вашей ко мне не верить оным, потому что они суть не что иное, как лишь низкая клевета. В надежде, любезный дедушка, что все ваши сомнения исчезнут при получении сего письма и что вы согласитесь составить мое щастие, целую ручки ваши и остаюсь на всегда покорная внучка ваша

Наталья Гончарова»⁶.

Н. П. Озерова, видевшая Пушкина и Наталью Николаевну 3 мая 1830 года, писала: «Утверждают, что Гончарова-мать сильно противилась браку своей дочери, но что молодая девушка ее склонила. Она кажется очень увлеченной своим же-

нихом»⁷. Письмо Натальи Николаевны к деду подтверждает это.

Вопрос о приданом занимал важное место в переговорах будущей тещи с женихом. Гончаровы были полуразорены, но тем не менее дед мог бы выделить любимой внучке одно из незаложенных имений. Было свое состояние и у Натальи Ивановны. Но ни дед, ни мать не пожелали обеспечить Наталью Николаевну. И Пушкину, в конце концов, пришлось дать 11 тысяч рублей на приданое невесте из тех 38 тысяч, что он получил, заложив подаренную ему к свадьбе отцом часть Болдина.

Осенью 1830 года из Болдина, куда поэт приехал для улаживания своих материальных дел, он писал своему другу Плетневу⁸:

«Сегодня от своей получил я премиленькое письмо; обещает выдти за меня и без приданого, приданое не уйдет. Зовет меня в Москву...»; «Она меня любит» (9 и 29 сентября 1830 г.).

Письма невесты, по-видимому, были теплыми и поддерживали в поэте уверенность в ее чувствах.

«Мой ангел, ваша любовь – единственная вещь на свете, которая мешает мне повеситься на воротах моего печального замка» (30 сентября 1830 г.).

Холерный карантин задержал Пушкина в Болдине на целых три месяца. Болдинская осень – один из самых ярких по

чувствам и переживаниям периодов в жизни поэта. Необычайный творческий подъем вдохновил гений Пушкина на создание едва ли не лучших его произведений...

В начале декабря поэт вернулся в Москву. 18 февраля 1831 года в церкви Вознесения, что у Никитских ворот, Пушкин и Наталья Николаевна Гончарова были обвенчаны. Молодые поселились на Арбате (дом, несколько переделанный, сохранился до наших дней под № 53).

«Я женат – и счастлив, – писал Пушкин Плетневу 24 февраля 1831 г., – одно желание мое, чтоб ничего в жизни моей не изменилось – лучшего не дождусь. Это состояние для меня так ново, что кажется я переродился...»

«...Женка моя прелесть не по одной наружности»⁷ (26 марта 1831 г.).

Но молодая чета недолго оставалась в Москве.

Пушкин еще до свадьбы предполагал, что они будут жить в Петербурге. Вмешательство тещи в их семейную жизнь ускорило это решение: во второй половине мая 1831 года Пушкины уехали в столицу.

---

⁷ Курсив наш. – И. О. и М. Д.

А душу твою люблю я еще более твоего лица...

Из письма Пушкина к жене

По приезде в Петербург Пушкины остановились на несколько дней в гостинице Демута и вскоре переехали на лето в Царское Село, где поэт снял небольшую дачу вблизи парка.

Те несколько месяцев, что молодые супруги прожили в Царском Селе, были, вероятно, самыми безоблачными в их совместной жизни. Места, которые были связаны для Пушкина с воспоминаниями о юности, проведенной в стенах Царскосельского лицея, тишина, великолепная природа, общение с друзьями, жившими там на даче, наконец, новизна семейной жизни – все способствовало его прекрасному настроению.

Приведем несколько выдержек из писем друзей и родных, относящихся к этому периоду.

Сестра Пушкина О. С. Павлицева⁹¹⁰ писала мужу из Петербурга:

«...Мой брат со своей женой приехал и устроится здесь, а пока проводит лето в Царском Селе. Они очень приглашают меня жить у них в ожидании твоего возвращения... Они

очень довольны друг другом, моя невестка совершенно очаровательна, мила, красива, умна и вместе с тем очень добродушна... Она совсем неглупа, но еще несколько застенчива»¹¹.

«...Четвертого дни воспользовался снятием карантина в Царском Селе, чтобы повидаться с Ташей, – писал 24 сентября 1831 года Дмитрий Николаевич Гончаров деду Афанасию Николаевичу. – Я видел также Александра Сергеевича; между ими царствует большая дружба и согласие; Таша обожает своего мужа, который также ее любит; дай бог чтоб их блаженство и впредь не нарушилось. Они думают переехать в Петербург в октябре; а между тем ищут квартиры»¹².

«А женка Пушкина очень милое творение. C'est le mot!⁸ И он с нею мне весьма нравится. Я более и более за него радуюсь тому, что он женат. И душа, и жизнь, и поэзия в выигрыше», – писал Жуковский¹³¹⁴ князю Вяземскому¹⁵ и А. И. Тургеневу¹⁶.

«...Я на счет твой совершенно спокоен зная расположение Царского Села, холеры там быть не может – живи и здравствуй с Натальей Николаевной, которой я свидетельствую свое почтение, – пишет Пушкину его друг П. В. Нащокин¹⁷ из Москвы, – я уверен что ты не смотря на все ужасные перевероты, которые тебя окружают, еще никогда не был так счастлив и покоен как теперь – и для меня это не нечего;

---

⁸ Лучше не скажешь! (*фр.*)

без всякой сантиментальности скажу тебе, что мысль о твоём положении мне много доставляет удовольствия... Наталья Николаевна не знаю что желать – все имеет в себе и в муже» (15 июля 1831 г.).

В своих воспоминаниях о Пушкине фрейлина А. О. Россет-Смирнова¹⁸ писала о встречах с поэтом и его женой летом 1831 года:

«...Я не знаю, известны ли вам сказки Пушкина? Он их писал в доме Китаева, придворного камер-фурьера. Я приезжала к одиннадцати часам, когда не дежурила, и поднималась вместе с его женой в его кабинет. У него было ужасно жарко. Он любил жару... Когда мы входили, он тотчас начал читать, а мы делали свои замечания»¹⁹.

Но в июле месяце, спасаясь от холеры, свирепствовавшей в Петербурге, императорская фамилия и двор переехали в Царское Село. Тишина и покой были нарушены, встреча Пушкиных с двором и великосветским обществом стала неизбежной. Однако жена поэта совсем не стремилась к этому.

«...Я не могу спокойно прогуливаться по саду, – пишет Наталья Николаевна деду 13 июля, – так как узнала от одной из фрейлин, что их величества желали узнать час, в который я гуляю, чтобы меня встретить. Поэтому я и выбираю самые уединенные места»²⁰.

Родители Пушкина жили недалеко от Царского Села, в Павловском, и в течение лета часто виделись с поэтом и его женой. В письмах к дочери, Ольге Сергеевне, оставшейся на лето в Петербурге, мы встречаем много упоминаний о молодых супругах.

«Сообщу тебе новость, – пишет Надежда Осиповна²¹ дочери 25–26 июля 1831 года, – император и императрица встретили Наташу с Александром, они остановились поговорить с ними, и императрица сказала Наташе, что она очень рада с нею познакомиться и тысячу других милых и любезных вещей. И вот она теперь принуждена, совсем этого не желая, появиться при дворе».

«...Весь Двор от нее в восторге, императрица хочет, чтобы она к ней явилась, и назначит день, когда надо будет прийти. Это Наташе очень неприятно, но она должна будет подчиниться...»²²

В половине октября Пушкины покинули Царское Село и поселились в Петербурге. В ноябре Пушкин вновь поступает на службу в Министерство иностранных дел. Он начинает работать над историей Петра I и получает разрешение на доступ в архивы.

Расположение императрицы к Наталье Николаевне было всем известно, и перед ней открылись двери великосветских гостиных.

«Жена Пушкина появилась в большом свете и была здесь отменно хорошо принята, она понравилась всем и своим об-

ращением, и своей наружностью, в которой находят что-то трогательное», – писал М. Н. Сердобин²³ в ноябре 1831 года Б. А. Вревскому²⁴.

Дочь хорошей знакомой Пушкина Е. М. Хитрово²⁵, Дарья Федоровна Фикельмон²⁶, жена австрийского посла, женщина умная и образованная, большая приятельница Пушкина, часто посещавшего ее салон, оставила в своем дневнике и письмах несколько высказываний о жене поэта. Приведем два из них.

«Пушкин приехал из Москвы и привез свою жену, но не хочет еще ее показывать (в свете). Я видела ее у маменьки – это очень молодая и очень красивая особа, тонкая, стройная, высокая – лицо Мадонны, чрезвычайно бледное, с кротким, застенчивым и меланхолическим выражением, – глаза зеленовато-карие, светлые и прозрачные, взгляд не то чтобы косящий, но неопределенный, – тонкие черты, красивые черные волосы. Он очень в нее влюблен»²⁷.

«Госпожа Пушкина, жена поэта, здесь впервые явилась в свет; она очень красива, и во всем ее облике есть что-то поэтическое – ее стан великолепен, черты лица правильны, рот изящен, и взгляд, хотя и неопределенный, красив; в ее лице есть что-то кроткое и утонченное; я еще не знаю, как она разговаривает, ведь среди 150 человек вовсе не разговаривают, – но муж говорит, что она умна. Что до него, то он перестает быть поэтом в ее присутствии; мне показалось, что он

вчера испытывал... все возбуждение и волнение, какие чувствует муж, желающий, чтобы его жена имела успех в свете»²⁸.

Совершенно естественна и понятна застенчивость и скромность молодой жены поэта: ей было всего 19 лет и она впервые появилась в великосветском обществе. В. А. Соллогуб²⁹, часто встречавшийся с ней в свете, пишет в своих воспоминаниях:

«...Много видел я на своем веку красивых женщин еще обаятельнее Пушкиной, но никогда не видывал я женщины, которая соединяла бы в себе такую законченность классически правильных черт и стана... Да, это была настоящая красавица, и не даром все остальные, даже из самых прелестных женщин, меркли как-то при ее появлении. На вид всегда она была сдержанна до холодности и мало вообще говорила. В Петербурге она бывала постоянно, и в большом свете, и при дворе, но ее женщины находили несколько странной. Я с первого же раза без памяти в нее влюбился»³⁰.

И Фикельмон, и Соллогуб отмечают сдержанность и молчаливость Пушкиной, причем первое высказывание относится к 1831 году, а второе – к значительно более позднему периоду.

Необыкновенная красота Пушкиной поразила петербургское общество. Но мы должны отметить в отзывах современников и штрихи, рисующие ее не только как красивую жен-

щину. Так, Фикельмон говорит о ее кротком, застенчивом выражении лица; Сердобин пишет, что Наталья Николаевна нравилась всем и своим обращением. Ф. Н. Глинка³¹ 28 ноября 1831 года пишет Пушкину:

«...меня прошу (как говорят французы) положить к ногам Вашей милой супруги. Я много наслышался о ее красоте и любезности».

Фактических материалов к биографии Натальи Николаевны до сих пор было очень мало. «Мнения современников о ее характере, уме, духовном развитии противоречивы», — указывает доктор филологических наук Б. Мейлах³².

Попытка охарактеризовать образ жены поэта была сделана известным историком и литературоведом П. Е. Щеголевым в книге «Дуэль и смерть Пушкина». Но и он писал: «Нельзя не пожалеть о том, что в нашем распоряжении нет писем Натальи Николаевны, каких бы то ни было, в особенности к Пушкину. В настоящее время изображение личности Натальи Николаевны мы можем только проектировать по письмам к ней Пушкина»³³. Однако Щеголев подошел к этим письмам необъективно и содержание внутренней жизни жены поэта, приписывая ей «скудость духовной природы», свел к светско-любовному романтизму. И, самое главное, Щеголев почему-то прошел мимо всего того хорошего, что было сказано не только современниками, но и самим Пушкиным о жене. А Пушкин считал, что жена его прелесть,

любил «это милое, чистое, доброе создание», любил душу ее больше красивого лица. Щеголев, если и приводит немногие положительные отзывы о Пушкиной, то тотчас же их оговаривает: «Кое-где прибавляют: «мила, умна», но в таких прибавках чувствуется только дань вежливости той же красоте. Да, Наталья Николаевна была так красива, что могла позволить себе роскошь не иметь никаких других достоинств». В свете этих высказываний «спроектированный» им образ Пушкиной оказался отрицательным, как нам кажется, без достаточных к тому оснований даже для того времени, когда еще не было многих документов, которыми располагаем мы теперь. Это во многом и надолго предопределило отношение к ней не только широкого круга почитателей поэта, но и ряда исследователей и писателей. О поспешных и неправильных суждениях и выводах Щеголева писали многие советские исследователи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.